

ЭКОЛОГИЯ ТЕКСТА И СКРЫТЫЕ МЕХАНИЗМЫ ДЕСТРУКТИВНОСТИ НАУЧНОГО ДИСКУРСА

Я.А. Волкова

Представленная статья – небольшой вклад в научную дискуссию по проблемам, поднятым в статье В.И. Шаховского «М.Н. Эпштейн об экологии текста». Автор рассматривает вопросы лингвоэкологии научных текстов и научного дискурса в целом.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: экология текста, научный дискурс, научная дискуссия

ВОЛКОВА Яна Александровна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры теории и практики иностранных языков Института иностранных языков Российского университета дружбы народов, профессор Московского государственного лингвистического университета. volkova-yaa@rudn.ru

Цитирование: Волкова Я.А. Экология текста и скрытые механизмы деструктивности научного дискурса [Электронный ресурс] // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. – 2021, № 1. – С. 202–207. Режим доступа: www.tverlingua.ru

ECOLOGY OF TEXT AND HIDDEN MECHANISMS OF DESTRUCTIVITY OF SCIENTIFIC DISCOURSE

Ya.A. Volkova

The presented article is a small contribution to the scientific discussion on the problems raised in the article by V.I. Shakhovskiy “M.N. Epstein. Text ecology and its pros”. The author examines the issues of linguoecology of scientific texts and scientific discourse in general.

KEY WORDS: ecology of the text, scientific discourse, scientific discussion

VOLKOVA Yana A. – DSc in Philology, Docent, Professor of the department of theory and practice of foreign languages of Institute of foreign languages of the Peoples' Friendship University of Russia, Professor of the Moscow State Linguistic University. volkova-yaa@rudn.ru

Citation: Volkova Ya.Y. Ecology of the text and hidden mechanisms of destructiveness of scientific discourse [Electronic resource] // World of linguistics and communication: electronic scientific journal. – 2021, № 1. – P. 202–207. Access mode: www.tverlingua.ru

В 1980 году академик Д.С. Лихачев писал, что сохранение культурной среды есть задача не менее важная, чем сохранение среды природной (Лихачев, 1980). «Если природа необходима человеку для его биологической жизни, то культурная среда столь же необходима для его духовной, нравственной жизни, для его «духовной оседлости», для его привязанности к родным местам, для его нравственной самодисциплины и социальности» (Лихачев, 1980). Поставив вопрос об экологии культуры, Д.С. Лихачев тем самым открыл новую страницу в изучении взаимоотношений человека и среды, неотъемлемой частью которой являются тексты.

Представленное здесь эссе – мой скромный вклад в научную дискуссию по проблемам, поднятым в статье В.И. Шаховского «М.Н. Эпштейн об экологии текста», и мне хотелось бы поговорить о вопросах лингвоэкологии научных текстов и научного дискурса в целом. Если понимать экологию текста в терминах М.Н. Эпштейна (Эпштейн, 1997), то происходящее в научном дискурсе можно определить как попытку закрыть побольше белых пространств или белых пятен. Собственно, разве это не достойная цель научного текста – не оставив «белых пятен», раскрыть все до конца, увидеть все детали, понять природу вещей? Данное положение верно только при условии сохранения исходной мотивации и интенциональности научного текста, а именно, что научное любопытство порождает желание докопаться до истины и интенцию донести эти знания до научного сообщества. Как выглядит это соотношение применительно к современному научному дискурсу в России? Ни для кого не секрет, что карьера вузовского преподавателя мало отличается от любой другой «бюджетной» профессии. Кроме одного: желание превратить преподавателей

вузов в ученых преподавателей вузов порождает огромное множество текстов. Чтобы удержаться на позиции вузовского преподавателя (в буквальном смысле, существовать в профессии), по требованиям свыше необходимо регулярно производить научные тексты с определенной заданной скоростью. От этого зависит денежное содержание и продление контракта: чем больше опубликованных текстов, тем прочнее положение в вузе. Публикация научных текстов превратилась в доходный бизнес для армии посредников, уверенно делающих свое дело в условиях бюрократической системы оценки результатов научной деятельности. В результате мы имеем огромное количество научного / наукообразного мусора в семиотически избыточном пространстве. Полностью согласна с В.И. Шаховским в том, что слово «мусор» в последнее время эмоционально перегружено. При этом надо отметить, что научный дискурс вносит свою лепту в этот процесс, усиливая негативную коннотативную нагрузку. Например, во многих вузах регулярно публикуется список так называемых «мусорных журналов», «мусорных изданий», т.е. изданий, выдающих себя за серьезные уважаемые журналы, а на самом деле публикующих без редактирования и рецензирования на платной основе «мусорные статьи», т.е. статьи низкого качества. Очевидно, что любопытный ученый, желающий сделать мир лучше, не может создавать высококачественные тексты, имеющие научную ценность, со скоростью потока в десять и более публикаций в год (ученым с «низкой» публикационной активностью ставят в пример коллег, публикующих тридцать, сорок и более статей в год). Таким образом, на место научного любопытства и поиска истины выходит необходимость держаться на плаву в океане семиотически перенасыщенного пространства научных и наукообразных текстов – текстов, которые, совершенно естественно, никто (или почти никто) не читает, но без которых ценность вузовского специалиста стремится к нулю. М.Н. Эпштейн пишет о таком важном коэффициенте, как время, которое требуется для опознания ненужности текста. В.И. Шаховский отмечает, что этим приемом широко

пользуются средства массовой информации и пропаганды. Однако этот прием также весьма популярен и в научном дискурсе: у нас нет времени на декодирование информационного потока научного мусора, несмотря на то, что в помощь предназначены аннотации, которые, казалось бы, должны решать эту задачу. В попытке отделить зерна от плевел мы вынуждены пробегать глазами невероятное количество текстов, что приводит к когнитивной и эмоциональной перегрузке и, в итоге, оканчивается главной трагедией текста – его непрочтением. Тексты – это среда обитания ученого и преподавателя вузов, и необходимость производить и плодить непрочитываемые тексты помещает нас в высшей степени неэкологичную ситуацию, в которой именно бесполезные, «мусорные» тексты определяют место человека в сообществе. Этот механизм чрезвычайно деструктивен, потому что он приводит к разрушению тех бесценных качеств ученого, о которых говорилось выше, потому что он превращает научный дискурс в симулякр научной деятельности, в которой деформированы все базовые компоненты.

Письменные научные тексты – лишь один из жанров научного дискурса. Эти тексты, погружаясь в жизнь (говоря словами Н.Д. Арутюновой), превращаются в научные доклады, сообщения и выступления, устные отзывы, дискуссии, кулуарные беседы и прочие жанры научного дискурса. Как и в любом другом типе дискурса, в научном дискурсе обнаруживаются проявления деструктивности, т.е. интенционального агрессивного коммуникативного поведения, направленного на уничтожение оппонента и собственное возвышение. Однако, в отличие от бытовой коммуникации и некоторых институциональных дискурсов (например, медийного, политического, педагогического, делового), деструктивность в научном дискурсе задействует скрытые механизмы. На волне толерантности и тотальной политкорректности не принято писать открытых «разгромных статей», жестко и жестоко критикующих оппонента, разрушающих его научную

карьеру. Это, несомненно, позитивная тенденция. Однако, согласно общему закону «сохранения деструктивности в общении», вместо открытых деструктивных тактик широко задействуются косвенные тактики деструктивного общения – ирония, игнорирование, провокация, распространение ложной информации. В качестве примера хотелось бы привести модную ныне фразу «это не лингвистика» (без последующей расшифровки, что именно не является лингвистикой) по отношению к исследованиям интегративного характера. По силе своего прагматического воздействия эта фраза сравнима со смертным приговором любой лингвистической работе, выполненной на стыке научных направлений. Произнесенная «усталым» тоном, сопровождаемая презрительной невербаликой – наморщенным носом, томно опущенными глазами, легкими пренебрежительными движениями кистей рук, – эта фраза способна нанести серьезный ущерб самооценке и достоинству как молодого, так и опытного исследователя. Если же вдруг молодой коллега пытается слабо возразить известному специалисту, что он берет за основу то или иное исследование, то в ответ слышит: «Мало ли кто, что там напишет...» Примечательно, что эту фразу произносят и те, кто сам регулярно засоряет семиотическое пространство научного дискурса своими публикациями. Представляется очевидным, что подобные вербальные и невербальные действия редко основаны исключительно на любви к лингвистической истине и заботе о чистоте предмета исследования. Зачастую дополнительными факторами, определяющими деструктивное коммуникативное поведение такого рода, могут быть желание укрепить / повысить свой статус в научном коллективе, свести личные счета с исследователем или его руководителем / консультантом, заработать / отработать и многое другое, не имеющее к науке прямого отношения. Но все это, вместе взятое, создает весьма токсичную среду обитания в научном мире.

Лингвоэкологические исследования давно вышли за рамки исходной концепции, предложенной Э. Хаугеном. Мы все чаще слышим, что

современная наука отмечена тенденциями к гуманизации и экологизации. Мы смело переносим идеи и термины исходной, биологической экологии в область гуманитарных дисциплин. Но, если театр начинается с вешалки, то экология общения начинается с экологии научного текста и научного дискурса в целом. Можно ли остановить замусоривание семиотического пространства научного дискурса? Видимо, да, но здесь все зависит от научную власть предрежащих. Можно ли избавиться от деструктивности в научном дискурсе? Видимо, нет, т.к. деструктивность непосредственно связана с агрессией как биологической универсалией человечества. Но ее проявления можно значительно уменьшить усилиями разума и воли. «Экологическая универсалия человечества», о которой В.И. Шаховский пишет в своей статье, в конечном итоге способна привести людей к единому смыслу разумного сосуществования, но боюсь, что начинать придется с их лучших представителей – ученых-гуманитариев.

Ссылки – References in Russian

Лихачев, 1980 – *Лихачев Д.С.* Экология культуры // Памятники Отечества. – М., 1980, № 2. – С. 10–16.

Эпштейн, 1997 – *Эпштейн М.Н.* наброски к экологии текста // Комментарии. – 1997, № 13. – С. 3–41.

Haugen, 1972 – *Haugen E.* The Ecology of language. – Standford: Standford University Press, 1972. – 366 p.

References

Epstein, M.N. (1997) Outline for the ecology of the text // *Kommentarii*, No 13, pp. 3-41 (in Russian).

Haugen, E. (1972) *The Ecology of language*. Standford: Standford University Press, 366 p.

Likhachev, D.S. (1980) The ecology of culture // *Pamyatniki Otechestva*, No 2, pp. 10–16 (In Russian).

